

СРЕДНЯЯ АЗИЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ ВОЕННОЙ ЭЛИТЫ РОССИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX–XX ВВ.)

Среднеазиатское направление внешней политики, имевшее важное значение в истории Российского государства, особую значимость приобретает во второй половине XIX в. Это нашло свое отражение в теоретических разработках военных аналитиков, уделявших внимание не только пространственному фактору, но и во многом самостоятельно формирующим образно-представленческие системы восприятия нового региона и народов, его населявших, у россиян. Особое внимание при этом уделялось военно-политическим и геополитическим аспектам.

Работы представителей военной элиты совмещали в себе политико-географические отчеты с этнографическими описаниями, позволявшими конструировать своеобразные «ментальные линзы», с помощью которых культура, быт и нравы многочисленных народов Средней Азии становились понятнее и доступнее для российской политической верхушки и в целом для российского общества. Нельзя недооценивать подобный труд, поскольку, параллельно с этнографическими и топографическими изысканиями, именно военные стали первыми задумываться над вопросами политической географии.

Экспедиции, осуществлявшиеся по заданию Генерального штаба, в обязательном порядке совершали и сбор статистических, этнографических, топографических и иных данных. Полученную информацию офицеры Генштаба сопровождали аналитическими записками, содержащими теоретические разработки по вопросам внешнеполитической деятельности России в Азии.

Параллельно завоеваниям России в Средней Азии у представителей военной элиты формировалось пространственное мышление, отражением которого стало появление новых геополитических концепций, специфических терминов и понятий, наполнявших профессиональный язык военных.

Новые понятия зачастую приобретали иное семантическое значение применительно к описанию территорий. Представители разведывательного сообщества России стремились проанализировать проблему достижения «естественных рубежей» по мере расширения территории Империи на Восток, теоретически обосновать необходимость продолжения процесса территориального расширения государства как имманентного фактора самого его существования.

Использование новой терминологии и уже ставших привычными западных геополитических понятий рождало новые, ранее не востребуемые с такой очевидностью, географические образы [1] региона, границы, страны, пространства, народов, его населявших. Данные образы, еще порой размытые и неясные, обрастая подробностями, являлись своего рода проводниками, благодаря которым шло осмысление и одновременно формирование геополитического рельефа Средней Азии, целей и задач политики России по отношению к народам среднеазиатского региона.

Освоение новых территорий неизбежно было связано с культурной и цивилизационной адаптацией привычных западных категорий к азиатским условиям. Это особенно четко прослеживалось в формирующихся в ходе военных походов образах коренного жителя Азии, территории, по которой продвигались военные, а на их основе и стиля политики России в центрально-азиатском регионе, ее миссию, связанную с привнесением цивилизации и «европейского просвещения» в «дикую» страну: «Россия поставлена географическим положением между Европой и Азией, между миром образованным и невежественным. Заимствуя семена цивилизации с Запада, она разносит их далеко на Восток. Может быть, в этом и заключается главное историческое назначение нашего Отечества», – отмечал в своих аналитических записках офицер Генштаба А. И. Макшеев [2, с. 2].

Благодаря военным агентам в сознании россиян формировались образы Азии и азиатов, приобретали те или иные оттенки оценки обычаев и традиций местного населения, перспектив развития данных территорий. Однако доминантой в восприятии азиатских народов выступала мысль об их «дикости», «варварстве», неспособности воспринимать передовые идеи цивилизации. Подобная трактовка не являлась единичной, она была широко распространена.

В своих походных записках А. К. Гейнс – член законодательной комиссии по устройству степей, обращаясь к внешнему виду азиата, отмечал: «Это дикарь во всей своей безобразной девственности... недалеко ушел от шимпанзе». Восприятие территории, по мнению военного, напрямую связанную с характером народов ее населявших, также не отличалось большим оптимизмом: «Как утомительна эта пустыня ... разве может она возбудить человека на какую-нибудь деятельность, выходящую из сферы забот о стадах?» [3]. Такие оценки азиатского населения логично предопределили и вывод, который сделал автор записок: по его мнению,

оседлых туземцев Средней Азии можно считать «народом вымершим и совершенно неспособным к цивилизации».

Еще более категоричными в этом плане стали оценки непосредственного участника военных походов в Средней Азии, ученого П. П. Семенова, которые определяли и наполняли новым содержанием мессианскую составляющую внешнеполитических проектов России в Средней Азии: «На развалинах дряхлого мусульманства... расцветет новая полная жизни русская культура» [4].

Данная позиция объяснялась рядом факторов, среди которых и тот, что известное ощущение россиян, связанное с восприятием России на Западе как азиатской державы, в ходе территориального расширения Империи на Восток радикально трансформировалось. Именно здесь Россия смогла со всей очевидностью ощутить свою принадлежность к западной цивилизации и, связанной с этим, цивилизаторской миссии.

Данная миссия трактовалась по-разному, но так или иначе, была неразрывно связана с восприятием народов центрально-азиатского региона как менее развитых, нуждающихся в том, чтобы их «представили» Западу, вывели из сна дикости и варварства: «Поступательное движение в Среднюю Азию, – по мнению военного аналитика М. И. Венюкова, – можно назвать восстановлением или распространением господства арийской расы в странах, которые долгое время были под владичеством народов тюркского и монгольского корня... эта роль цемента досталась русским, т. е. нации, господствующей в политическом и интеллектуальном смысле» [5].

Такое видение роли российской колонизации азиатской территории, в свою очередь, наполняло российскую геополитику в Средней Азии духовно-ценностными ориентирами. Стремление следовать гуманному отношению к коренному населению Средней Азии отчетливо прослеживается как в официальных документах, так и в личных записях военных агентов, отражая их ментальные установки: «Русская держава, слава Богу, вносит за собой в Азию мир и начала равноправности, личной и имущественной свободы, она опирается не на привилегированные классы, а на трудящуюся массу» [6].

Однако зачастую гуманным отношением, по мнению представителей разведывательного сообщества России, необходимо было жертвовать для достижения соответствующего политического и военного статуса Империи в регионе: «Не забывайте никогда, – указывал М. Д. Скобелев, – что тот владеет Азией, кто нещадно бьет ее по заправке и воображению» [7].

Донесения и рапорты в Генштаб таких представителей военной элиты, как М. И. Венюков, А. Е. Снесарев и других, по долгу службы в разное время ментально и материально осваивавших среднеазиатские территории, содержали в себе не только мессианские идеи и этнографические описания центрально-азиатских народов, но и концептуальное осмысление новых тенденций международных отношений, взаимосвязь и взаимозависимость Восточного вопроса с продвижением России в Азии, роли, которую Российская империя должна играть на мировой арене благодаря ее геополитическому положению.

Новые ментально-представленческие системы способствовали формированию на российской почве геополитики как науки. Работы военных аналитиков наряду с трудами кабинетных ученых (И. С. Аксакова, Ф. И. Тютчева, Н. Я. Данилевского и др.) как раз и стояли у основ российской геополитической мысли.

Таким образом, Средняя Азия в представлении военных аналитиков была не столько новой перспективной окраиной России, сколько геополитически и военно-политически значимой территорией, позволявшей Российской империи укрепить свои позиции на Востоке, противостоять в этом отношении другим великим державам (в частности Великобритании). Освоение новой территории привнесло и новые термины, и образно-представленческие категории в терминологию военной элиты, позволило развиваться геополитике как новой для России науки.

Примечания

1. Замятин Д. Н. Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов. СПб. : Алетейя, 2003. С. 224.
2. Макшеев А. И. Путешествие по киргизским степям и Туркестанскому краю. СПб., 1896. С. 2.
3. Гейнс А. К. Собрание литературных трудов. СПб., 1897. Т. 2. С. 203.
4. Семенов П. П. Окраины России. Сибирь, Туркестан. Кавказ и полярная часть европейской России. СПб., 1990. С. 210.
5. Венюков М. И. Россия и Восток. СПб., 1877. С. 136.
6. Ахал – Текинский оазис. (Экспедиция генерала Скобелева). 1879–1882 // АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 573. Л. 558.
7. Гродеков Н. И. Война в Туркмении. Поход Скобелева в 1880–1881 гг. СПб., 1883. Т. 2. С. 104.